

В ПОМОЩЬ СЛУШАТЕЛЯМ УНИВЕРСИТЕТОВ
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМАНА ПУТЯХ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В СССР¹А. В. ПЕТРОВСКИЙ
(Москва)

Социальная психология сегодня одна из наиболее перспективных отраслей психологической науки, изучающая психические явления, возникающие в процессе взаимодействия людей в коллективе, шире — в различных организованных и неорганизованных общественных группах. Правильный подход к решению ее основных задач предполагает понимание исторического развития основных принципов, методов и разделов социальной психологии в период становления ее теории и практики.

Уже в первые послереволюционные годы определяется интерес к проблемам социальной, или коллективной, психологии. Этот интерес коренился в тех поистине грандиозных социальных преобразованиях, которые ощутимо отразились на психологии людей и вызвали в ней невиданные до тех пор сдвиги и изменения. Развивающуюся научную мысль не могло удовлетворить изучение свойств человеческой души при почти полном игнорировании того, как эта «душа» показала и проявила себя в реальной жизни. Психологов уже тогда интересовал «конкретный, живой, исторический человек», уже тогда многих не удовлетворяло изучение «человека вообще», отвлеченного, существующего вне времени и пространства [12].

Такой интерес казалось бы могла удовлетворить специальная научная дисциплина, которая в основных своих чертах складывалась в трудах Вундта, Тарда, Мак-Даугалла, Дюркгейма, Леви-Брюля, Фрейда — за рубежом, в трудах Лаврова, Михайловского, Петражицкого, де Роберти, Овсяникова-Куликовского в России. Однако очевидная методологическая несостоятельность этих научных школ, шаткость их философских устоев делала невозможным прямое продолжение и развитие указанных социально-психологических теорий на русской почве в послеоктябрьский период.

В первые послеоктябрьские годы «объективная» психология, главным образом, рефлексология в ее различных модификациях, выступает на первый план и начинает играть ведущую роль в науке о человеке. Тот же процесс наблюдается и в социальной психологии. В. М. Бехтерев публикует свою «Коллективную рефлексологию» [3], в которой пытается свести законы психологии масс к основным физическим законам (закон инерции, закон противодействия, равного действия и т. д.). В одной из статей, примыкающих

¹ Материал к теме «Возникновение и развитие общественной психологии как науки».

к «Коллективной рефлексологии», Бехтерев, следуя за Тардом и Мак — Даугаллом, формулирует «закон ритма» или «закон периодичности», легко переходя от форм периодического движения, рассматриваемых физикой (броуновское движение, вращение Земли вокруг Солнца и своей оси, колебание маятника), к социально-психологическим фактам, например, к колебаниям боевого настроения солдат во время войны [3]. Стирая принципиальную разницу между живой и мертвой природой, последовательно универсализируя существующие физические и биологические законы, изобретая новые, Бехтерев создавал множество принципов (изменчивости инерции, дифференцирования, сцепления, воспроизведения, отбора и др.), которым якобы подчинены в своем развитии личность и общество. Резкая и принципиальная марксистская критика этих вульгаризаторских идей содержится в статье В. И. Невского «Политический гороскоп ученого-академика» [16].

Не вызывает сомнения факт известной близости «законов коллективной рефлексологии к изобретенным Богдановым «тектологическим законам». Однако было бы ошибкой отождествить философию Богданова и методологию Бехтерева. Путь Бехтерева — это эволюция от субъективной идеалистической психологии к рефлексологии, в которой особенно заметны вульгарно-биологические и вульгарносоциологические построения. Путь Богданова — от стихийного материализма к философской ревизии марксизма с позиций махизма и эмпириомонизма, которую он пытался маскировать после революции «левизной» механистических тезисов, в том числе и рефлексологическими ссылками. Но тем не менее в 20-е годы «коллективная рефлексология» Бехтерева оказывается созвучной социологическим построениям Богданова.

Понимая человека, по преимуществу, как физиологическую особь, Бехтерев и общество понимал как простую физиологическую машину. В результате этого он оказался, конечно, не способным установить какие-либо действительные социальные законы. «Реально эти законы ничего не объясняют и никакого общественного будущего предвидеть не позволяют. Да это и естественно, так как рефлексологические принципы суть абстрактные принципы физики и физиологии, а общество — это не только физика и не только физиология. Здесь действуют другие специфические законы, а принципы физики и органики играют третьестепенное, подчиненное значение» [16; 42].

Уже в применении к отдельной личности рефлексологический подход был абстракцией, так как рефлексология не принимала во внимание всех сторон поведения человека, представляя последнего как простую физиологическую машину. Рассмотрение же общества как совокупности физиологических энергетических машин, как это делали рефлексологи, было еще более абсурдно. Марксистская критика опиралась в своем разоблачении методологических предпосылок рефлексологии на «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина: «Можно ли себе представить что-нибудь более бесплодное, мертвое, схоластичное, чем... нанизывание биологических и энергетических словечек, равно ничего не дающих и не могущих дать в области общественных наук» [1; 347]. В. И. Ленин подчеркивал, что «на деле никакого исследования общественных явлений, никакого уяснения метода общественных наук нельзя дать при помощи этих понятий. Нет ничего легче, как наклеить «энергетический» или «биологосоциологический» ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие» [1; 348].

Насколько уместно было это указание на мертвящий «энергетический и биологосоциологический» подход к проблемам социальной жизни видно из рассмотрения труда рефлексолога Ю. Васильева. Характеризуя причины войны между Севером и Югом в США, Ю. Васильев указывал на то, что у жителей Северных штатов рабство стало вызывать тормозную

(«минус-гармоническую») реакцию, и это торможение, сделавшись значительным, породило кровопролитную войну с жителями Южных штатов [6; 122—123].

Принципиальный тезис «рефлексологических» рассуждений Ю. Васильева, защите которого была посвящена вся его книга, заключается в том, что общество не имеет никаких специфических законов, и все сводится к физиологии или рефлексологии. Это положение было подвергнуто резкой критике. «Не правда ли ясно? — иронизировал по этому поводу С. С. Васильев. — Гражданская война в Америке возникла потому, что у жителей Северных штатов возникло торможение на рабство. В этом заторможенном состоянии они принялись бить незаторможенных жителей Южных штатов. Большое побоище вызвало, наконец, торможение и у тех. Когда и те и другие достаточно затормозились, рабство исчезло, вместе с тем исчез и недостаток положительных гормонов, и далее дело пошло более спокойно» [5; 46].

Философам и психологам, стоявшим на позициях марксизма, было ясно, что «коллективная рефлексология», «физиология духа» и им подобные «биолого-социологические» учения представляют собой не что иное, как попытку перевода «на язык рефлексов» психологической школы в социологии, которая была в конечном счете идеалистическим направлением. При этом критиками делался правильный вывод о том, что механистический материализм, являвшийся философской базой для всех форм рефлексологии, никогда не может подняться до научных взглядов на общество и личность. Идеализм в понимании истории воспринимался, таким образом, как органический и постоянный порок механистического материализма.

Сама возможность последовательной марксистской критики рефлексологического метода в социальной психологии находилась в прямой зависимости, как это уже было подчеркнуто и как это надо еще раз подчеркнуть, от ленинской постановки вопроса о ненаучности перенесения биологических понятий в область общественных наук.

Ленинская критика Богданова, занимавшегося не марксистским исследованием, а переодеванием добытых этим исследованием ранее результатов в наряд биологической и энергетической терминологии, послужила платформой для критики разнообразных рефлексологических и социально-психологических теорий.

Исключительно важное значение имело в этом отношении следующее высказывание В. И. Ленина. Приводя выдержку из письма К. Маркса к Кугельману по поводу взглядов Ланге, Ленин подчеркивал: «Основа критики Ланге заключается у Маркса не в том, что Ланге подсовывает специально мальтузианство в социологию, а в том, что перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть фраза». [1; 349]. Этот марксистский тезис был взят на вооружение в борьбе против механистических и идеалистических теорий в сфере социальной психологии.

Близким к рефлексологическому варианту социальной психологии являлся так называемый «психоневрологический» взгляд на общество (классовую борьбу, революцию, интеллигенцию, молодежь, партийное строительство и т. п.), развивавшийся А. Б. Залкиндром в ряде статей, впоследствии объединенных под названием «Очерки культуры революционного времени» [10]. Социально-психологический воззрения Залкиндром, представляющие причудливое сочетание вульгарного биологизма, фрейдизма и ультрареволюционной фразеологии, метко охарактеризованы одним из его критиков как «патологический марксизм».

Другим вариантом построения социальной психологии являлась система взглядов М. А. Рейснера. Не будучи психологом по специальности, Рейснер пришел к психологии из области права, социологии и государственного управления. В предреволюционные годы он усваивает психологическую теорию права Л. И. Петражицкого [20]. Сопоставление идей последнего с идеями малоизвестного, но своеобразного мыслителя феербахшанца Людвиг Кнаппа, привело Рейснера к мысли о возможности совместить психологическую теорию права как эмоционального переживания с материалистическим истол-

кованием происхождения и классового содержания правовых норм. Возглавив после Октябрьской революции в Социалистической, а позднее в Коммунистической академии разработку проблем социальной психологии [19], Рейснер делает попытку объединить воззрения Петражицкого и Кнаппа с теорией исторического материализма Маркса, а также с фрейдовским психоанализом. На этой основе он строит «массовую психологию». В прениях по докладу М. Рейснера в Социалистической академии «Проблемы психологии и теория исторического материализма» (8 февраля 1923 г) [7] справедливо отмечалось, что докладчик неправоммерно приписывает Марксу взгляд на страсти и психические силы как движущие силы общественного развития, взгляд на психологическую мотивацию как на могучий фермент и двигатель социального процесса. В связи с этим, выступавшие в прениях решительно брали под сомнение близкие к фрейдизму рассуждения Рейснера о «внушениях», всевозможных «половых импульсах», «эротических экстазах» как о чем-то движущем, определяющем, направляющем общественную жизнь. Становилось понятно, что общая социально-психологическая концепция Рейснера — это психологизирование исторического материализма («психический марксизм»), еще одна разновидность принципиально ошибочного психологического направления в социологии.

Вместе с тем в работах Рейснера, как и многих других современных ему советских философов и психологов, уже намечается правильная тенденция использовать труды классиков марксизма-ленинизма для разработки конкретных социально-психологических проблем. С точки зрения исторического материализма производственный процесс есть процесс общественный, а производящий индивид есть общественно обусловленный индивид. Вот почему Энгельс, указывая на переходные ступени от животного к человеку, отмечает громадное значение языка и речи. Этот факт, как подчеркивает Рейснер, «до настоящего времени в силу целого ряда условий не мог получить надлежащего раскрытия в марксистской литературе, но, как вы видите, он основоположниками нашими поставлен» [7; 2]. В этой связи Рейснер говорит о необходимости разработки проблем «психологии речи, как одного из средств общения». Далее Рейснер, опираясь на марксистскую теорию и работы И. М. Сеченова и И. П. Павлова, обосновывает необходимость интенсивного развития психологии труда и формулирует вопрос о возможности научного обоснования психотехники как наиболее целесообразной организации психической стороны труда. В том же докладе Рейснер ставит перед психологами и социологами задачу выяснить «на основании учения Маркса и Энгельса» основные типы классовой и групповой психологии, складывающиеся на основе определенного уровня производительных сил и форм производственного труда.

Ни сам Рейснер, ни его коллеги не обладали в этот период какими-либо реальными возможностями для конкретного решения всех этих в общем правильно поставленных задач. Те методы, которыми готов был решать проблемы социальной психологии Рейснер и которые были по преимуществу заимствованы из инструментария рефлексологии, реактологии, фрейдовского психоанализа или умозрительной буржуазной социологии, оказались совершенно неадекватными характеру и сущности поставленных целей и могли только завести в тупик молодую отрасль психологической науки. Не случайно в книге Рейснера «Проблемы социальной психологии» [18], которая по мысли автора, должна была быть шагом на пути к созданию марксистски построенной социальной психологии, самые яркие страницы посвящены изложению учения Фрейда.

К «социальной психологии» Рейснера во многом приближается сформулированная в те же годы «коллективная психология» Л. Н. Войтоловского. Так же, как Рейснер, Войтоловский стремится создавать социальную психологию на началах марксистского мировоззрения. Исходной при-

чиной социальных явлений Войтоловский признавал общественное производство, производительные силы, по отношению к которым «психические и идеологические факторы вторичны» [8; 16].

Исследование природы и значения коллективного чувства в процессе общественного развития должно, по мнению Войтоловского, составить одну из первых задач современной общественной психологии, и поэтому линию марксистских исследований следует продолжить именно в этом направлении. Выдерживая в общем и целом марксистскую точку зрения в вводной главе своих «Очерков», впрочем, далеко не во всем последовательную, Войтоловский, переходя к конкретному содержанию проблем социальной психологии («Что такое толпа?», «Толпа и личность», «Эмоциональная природа толпы», «Законы действия масс») возвращался на позицию традиционного буржуазного субъективизма в духе Лебона и Михайловского. Об этом, в частности, свидетельствует предпосланный главе «Что такое толпа?» эпиграф, заимствованный из Лестера Уорда: «Явления субъективной психологии, а именно чувствования, взятые в их совокупности, составляют динамический элемент общества или социальные силы». В результате интересные по использованному в них психологическому материалу (в особенности материалу наблюдений некоторых явлений и событий гражданской войны) «Очерки коллективной психологии» не выходят из рядов социально-психологической литературы, типичной для субъективной эмпирической школы.

Какова бы ни была конечная реализация замыслов построения социальной психологии у Залкинда, Рейснера, Войтоловского, как бы ни были неудачны эти первые варианты создания ее марксистских основ, тем не менее не приходится сомневаться в искреннем стремлении их создателей принять самое активное участие в революционном творчестве и внести свою лепту в развитие психологической науки.

Из изложенного выше можно сделать следующие выводы. Попытка построения марксистской социальной психологии в 20-е годы не привела к успеху прежде всего потому, что реальную разработку научных проблем заменили словесные декларации. Специализировавшиеся в области социальной психологии ученые не настолько овладели марксизмом-ленинизмом, чтобы устранить эклектичное сочетание его с рефлексологией, психопатологией, фрейдизмом и субъективным социологическим эмпиризмом. Методы социально-психологического исследования оказались неадекватными ее обширным и «смело» сформулированным задачам. И хотя работа над социально-психологической проблематикой стимулировала овладение высказываниями классиков марксизма-ленинизма по вопросам общественной психологии, а также побуждала к анализу общественно-психологических явлений революционной действительности, однако к концу 20-х годов в результате критики указанных социально-психологических построений, и, в особенности, вследствие полностью выявившейся несостоятельности рефлексологов в решении вопросов общественного и коллективного поведения, интерес к социальной психологии заметно падает.

Причины, вызвавшие известный застой в развитии социальной психологии, не сводятся только к этому. Среди других факторов, тормозивших ее развитие, можно выделить два обстоятельства, которые, между прочим, в той или иной степени не утратили своего значения и до настоящего времени. В условиях же сложной обстановки 20-х годов, когда психология должна была выдержать жесткий натиск со стороны буржуазной идеологии, роль этих обстоятельств была особенно велика.

Первое из них заключалось в следующем. Одной из важнейших примет развития общей психологии в послеоктябрьский период являлась осознаваемая ею — иногда только декларативно — ее противоположность

старой психологии, как психологии сугубо индивидуалистической. Старая психология была индивидуалистической, следовательно, новая психология должна быть психологией социальной, общественной — эта идея постулируется всеми руководствами по психологии, начиная с книги В. М. Бехтерева «Общие основания рефлексологии», изданной в 1918 году, кончая «Учебником психологии» К. Н. Корнилова [11]. Но если психология является вообще социальной наукой, то есть ли нужда в специальной социальной психологии? Такая постановка вопроса многим казалась вполне правомерной. Положение осложнялось еще и тем, что в 20-е годы социальную психологию, как было уже сказано, монополизировали рефлексологи, которые механически упразднили отличия не только человеческой личности от биологического организма, но и человека от общества, и объединяли под рефлексологическим знаменем все науки о природе, человеке и обществе. Вместе с тем видный представитель дореволюционной эмпирической психологии, до 1923 года возглавлявший Московский психологический институт, Г. И. Челпанов, который воспринимался советскими психологами как противник диалектического материализма (и был таковым), ратовал за создание «марксистской» социальной психологии, стремясь отвлечь внимание от перестройки эмпирической психологии на марксистских основах. Эта тактика Челпанова не могла не вызвать сопротивления со стороны прогрессивных сил в психологии, что имело своим побочным результатом ослабление внимания к социальной психологии как самостоятельной отрасли науки.

Второе обстоятельство, тормозившее развитие социальной психологии, — это постоянно возникавшие опасения, что социальная психология имеет тенденцию при изучении исторических событий подменять собой исторический материализм, «психологизируя» общественные явления. Реальное основание для такого рода опасений давали многочисленные примеры соскальзывания психологов (даже при критическом отношении к психологическому направлению в социологии) на почву субъективизма. Между тем было бы ошибкой считать, что указанная тенденция имманентна социальной психологии как науке, а не является следствием конкретных исторических причин. Ряд проблем в психологии того времени правильно формируется именно как проблемы социальной психологии (проблема психологических отношений внутри коллектива и форм коллективного поведения, например, психологическая характеристика классовой солидарности, вражды, ненависти, героизма и т. д.). Часть их входила в дальнейшее в общую проблематику психологии личности и только теперь вновь возвращается в область социальной психологии. Отнюдь не подменяя исторический материализм, социальная психология может стать его пособницей, разрабатывая систему психологических закономерностей общественного поведения людей в коллективе, — такой вывод делали многие советские ученые, занимавшиеся исследованием теоретических основ социальной психологии. Значительный толчок разработке проблем социальной психологии дало сложившееся в деятельности А. С. Макаренко учение о коллективе.

Проблема личности и коллектива являлась центральной для психологической концепции А. С. Макаренко. Она им поставлена как вопрос о взаимоотношениях личности и коллектива, как вопрос о перспективных линиях развития личности, о формировании мотивационной сферы личности, о становлении характера. Узловые проблемы психологии личности были сформулированы Макаренко главным образом в острой полемике с биогенетической и социогенетической трактовкой отношений личности и коллектива. Утверждение педологов и психологов вульгарно-социологического толка о том, что коллектив — это «собрание индивидов, одина-

ково реагирующих на те или иные раздражители», вызывало резкий протест Макаренко: «у одного из... теоретиков коллектив, например, определяется так: «Коллектив есть группа взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения». Для всякого непредубежденного человека, очевидно, что это определение коллектива лягушек, обезьян, моллюсков, полипов, кого хотите, но только не коллектива людей [13; 396].

Понимание коллектива, предложенное Макаренко, предопределяло вопрос о месте личности в коллективе и системе отношений людей: «Коллектив — это есть целеустремленный комплекс личностей, организованных, обладающих органами коллектива. А там, где есть организация коллектива, там есть органы коллектива, там есть организация уполномоченных лиц, доверенных коллектива, и вопрос отношения товарища к товарищу — это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости» [15; 210].

Эта постановка вопроса давала Макаренко возможность, изменяя положение человека в коллективе, оказывать существенное формирующее влияние на личность, причем таким образом, что сам воспитанник и не подозревал, что является объектом воспитания (принцип параллельности действия): «Мы имеем дело только с отрядом. Мы с личностью не имеем дела. Такова официальная формулировка. В сущности это есть форма воздействия именно на личность, но формулировка идет параллельно сущности. На самом деле мы имеем дело с личностью, но утверждаем, что до личности нам нет никакого дела» [15; 166].

А. С. Макаренко придавал большое значение изучению качеств личности человека. Это следует прежде всего из того, что цель воспитательного процесса представлялась ему проектируемыми качествами личности, картинами характеров и теми линиями развития их, которые определению намечаются для каждого отдельного человека. Сам перечень черт личности, которые синтезируются им в общий комплекс («самочувствие человека в коллективе, характер его коллективных связей и реакций, его дисциплинированность, готовность к действию и торможению, способность такта и ориентировки, принципиальность и эмоциональное перспективное устремление» [15; 106], — говорит о глубоком психологическом анализе существенных качеств советского человека. О том же говорит схема изучения воспитанников, подробная и обоснованная, содержащаяся в его работе «Методика организации воспитательного процесса», которая начинается словами: «Что должен знать воспитатель о каждом своем воспитаннике?» [15; 90]. О том же говорят превосходные характеристики, составленные на воспитанников, лаконично и точно обрисовывающие проектируемые и сформировавшиеся черты их личности.

А. С. Макаренко глубоко исследовал мотивационную сферу личности, механизмы формирования ее общественно ценных качеств. Едва ли не центральное место занимает при этом проблема формирования и развития потребностей. «Глубочайший смысл воспитательной работы и в особенности работы семейного коллектива заключается в отборе и воспитании человеческих потребностей, в приведении их к той нравственной высоте, которая возможна только в бесклассовом обществе и которая только и может побуждать человека к борьбе за дальнейшее совершенствование» [14; 38]. В произведениях Макаренко проблема потребностей, конструирующая динамический аспект советской психологии, встает во весь рост.

Глубокое содержание того решения проблемы мотивации человеческих поступков, которое дал Макаренко, не сразу было усвоено педагогической и психологической наукой и не сразу стало основой дальнейшего развития важнейших принципов методики коммунистического воспитания и психологии личности. Однако в его произведениях содержалась широкая и смелая программа изучения движущих сил развития сущности

сил человеческой личности, где главенствующая роль отводилась воспитанию потребностей «коллективиста». Нравственно оправданная потребность — это есть потребность коллективиста, то есть человека, связанного со своим коллективом единой целью движения, единством борьбы, живым и несомненным ощущением своего долга перед обществом. «Потребность у нас есть родная сестра долга, обязанности, способностей, это проявление интересов не потребителя общественных благ, а деятеля социалистического общества, создателя этих благ» [14; 39—40].

В произведениях Макаренко перед советскими психологами едва ли не впервые раскрылись возможности анализа формирования цельной человеческой личности в труде и общественной деятельности. Наиболее ценная черта Макаренко как психолога, полностью им преодоленная, пассивная созерцательность психологического исследования личности. «Знание воспитанника должно прийти к воспитателю не в процессе безразличного его изучения, а только в процессе совместной с ним работы и самой активной помощи ему. Воспитатель должен смотреть на воспитанника не как на объект изучения, а как на объект воспитания» [15; 92].

Если честь открытия естественного эксперимента в психологии принадлежит А. Ф. Лазурскому, выдающемуся русскому психологу, то замечательному советскому педагогу А. С. Макаренко по праву принадлежит честь широкого и гибкого применения этого активного метода в целях исследования и формирования личности советского человека. Труды А. С. Макаренко открываются длинный ряд исследований психологии личности и ее развития, основанных на активном вмешательстве в жизнь и деятельность человека в процессе коммунистического воспитания. Вклад А. С. Макаренко в создание основ марксистско-ленинской социальной психологии трудно переоценить.

В структуру социальной психологии в настоящее время входит следующий круг проблем:

1. Социально-психологические явления в больших группах (в макросреде). Сюда относятся проблемы массовых коммуникаций (радио, телевидение, пресса и т. д.), механизмов и эффективности воздействия средств массовых коммуникаций на различные общности людей, закономерности распространения моды, слухов, общепринятых вкусов, обрядов, предубеждений, общественных настроений и т. д. Можно было бы назвать здесь проблему психологии классов, наций и т. д., однако, по существу, у нас отсутствуют психологические исследования в этой области.

2. Социально-психологические явления в малых группах (в микросреде). Сюда относятся проблемы психологической совместимости в замкнутых группах, межличностных отношений в малых группах, групповой атмосферы, положения лидера и ведомых в группе, типов групп (ассоциации, корпорации, коллективы), соотношения формальных и неформальных групп, количественных пределов малых групп, степени и причин сплоченности группы, восприятия человека человеком в группе, ценностных ориентаций группы и многие другие.

3. Социально-психологические явления в особых группах (специфических малых и условных больших группах). К числу специфических малых групп могут быть отнесены семья, школьный класс, производственная бригада, воинское подразделение и т. п. К числу условных больших групп могут быть отнесены, к примеру, несовершеннолетние правонарушители. Проблемы, которые исследуются при изучении этих групп, вообще те же, что были охарактеризованы раньше, и это понятно, потому что особая группа представляет собой модификацию больших или малых групп. Если иметь в виду семью, например, то к числу важных проблем здесь могут быть отнесены динамика отношений между родителями и детьми, природа сохранения авторитета старших и т. д.

4. Социально-психологические проявления личности человека (социальная психология личности). Личность человека может быть рассмотрена в психологии с разных точек зрения, например, со стороны ее типологии. В этом плане раскрываются дифференциальные психофизиологические и психологические особенности личности: темперамент, характер, как синдромы соответствующих психологических качеств. Личность может быть рассмотрена в психологии со стороны тех требований, которые предъявляет к ней социально-трудовая деятельность. В этом аспекте исследуются способности личности. Наконец, личность может быть рассмотрена в развитии. Здесь имеется в виду проблема формирования личности, проблема возрастных особенностей личности. Но не трудно заметить, что во всех перечисленных группах проблем преобладает общепсихологический аспект рассмотрения.

Однако личность человека может быть объектом собственно социально-психологического изучения, если мы пытаемся выяснить, насколько личность соответствует социальным ожиданиям в больших и малых группах, как и насколько она принимает воздействие этих групп, каким образом она усваивает ценностные ориентации групп, какова зависимость самооценки (образа «Я», концепции «Я») от того, как личность оценивает группу, в которую входит, и как ее оценивает эта группа. Одним словом личность становится объектом социальной психологии, когда она берется в системе ее взаимоотношений с группой и когда выясняются ее (личности) черты и особенности, которые являются проекцией этих взаимоотношений. При этом личность может быть рассмотрена в системе взаимоотношений с разными группами — организованными или неорганизованными, референтными (эталонными) или такими, к которым личность принадлежит лишь внешне, большими или малыми, реальными и условными и т. д. Поэтому к проблемам социальной психологии личности относятся проблемы, связанные с изучением направленности личности, ее самооценки, самочувствия и самоуважения, устойчивости личности и конформности, коллективизма и индивидуализма, вопросы, связанные с изучением установок личности и их динамики, перспектив личности и фрустраций и т. д. и т. п.

Указанные выше четыре круга проблем не могут быть, разумеется, ни противопоставлены, ни рядоположены друг другу. Они предстают перед нами в единстве, обусловленном единством личности и общества, совокупностью отношений, в которых определяется ее сущность.

Вместе с изменением содержания социально-психологических исследований, принципиальные изменения претерпевают и ее методы.

Существенным обстоятельством развития нашей социальной психологии (как и близкой ей науки социологии) являлось то, что в начальном периоде ее становления (едва ли не до конца 50-х годов) она была лишена экспериментальной основы. Несмотря на то, что, как уже было отмечено, в трудах и конкретной педагогической деятельности А. С. Макаренко сложились не только принципы психолого-педагогического и социально-психологического естественного эксперимента, но и богатая практика его применения, характеристика и оценка социально-психологических явлений психологами осуществлялась главным образом на основе наблюдений и имела в значительной степени умозрительный характер. Такому положению дел немало способствовала господствовавшая в нашей философской литературе точка зрения о невозможности эксперимента в познании социальных явлений [21; 15—17]. В ходе дискуссий конца 50-х и начала 60-х годов ошибочная позиция, подвергавшая сомнению возможность экспериментального метода применительно к социальным наукам, была оставлена.

В этот же период получают реализацию в конкретном эксперименте ряд перспективных социально-психологических методик. Такова, напри-

мер, была методика исследования групповой совместимости (Ф. Д. Горбов) с помощью гомеостата — прибора, который мог выявлять согласованность действий малой группы, являющейся условием успешности ее совместной деятельности. Тогда же начинаются экспериментальные исследования групповой дифференциации с помощью социометрических методик (Я. Л. Коломинский). Исследование социально-психологических аспектов межличностных отношений в коллективах разворачивается на основе преодоления и острой методологической критики идеалистической по своей сущности микросоциологии Д. Морено, предложенного и разработавшего социометрические тесты. Работы Я. Л. Коломинского и других советских психологов показали, что конкретные социально-психологические методики могут оказать немалую помощь в анализе взаимоотношений внутри различных групп и коллективов. Предложенная С. А. Будасси оригинальная методика изучения системы оценок и самооценки личности в группе позволяет составлять весьма точные представления о статусе личности в различных группах и коллективах [4]. Экспериментальные исследования, оснащенные объективными методиками, существенно укрепили позиции социальной психологии.

Вместе с тем, они убедительно показали (при решении проблемы структуры малых групп, восприятия человека человеком, конформизма и внутригрупповой внушаемости, лидерства в малых группах и т. д.), что понятия, концепции и методики, которые первоначально в силу исторических причин сложились в буржуазной психологии, не могут быть механически перенесены в советскую психологическую науку. Однако из этого не был сделан вывод о том, что от этих концепций и методов следует отказаться. Задача заключалась не только в том, чтобы дать им правильную методологическую интерпретацию, но и в том, чтобы ставить экспериментальные исследования данных социально-психологических феноменов, исходя из марксистских психологических концепций личности и коллектива [17].

В настоящее время социально-психологическая проблематика успешно разрабатывается многими научными коллективами. Так, лаборатория социальной психологии Научно-исследовательского института общей и педагогической психологии АПН СССР (руководитель М. А. Меньшикова) изучает влияние конкретных социальных условий на содержание духовной жизни учащейся молодежи и на межличностные отношения, складывающиеся в ученических коллективах, исследует влияние психологических факторов на направленность интересов и запросов молодежи, на отношение к людям и разным видам деятельности. Лаборатория социальной психологии и кафедра социальной психологии Ленинградского государственного университета (руководитель Е. С. Кузьмин) разрабатывает широкий круг проблем. Здесь должны быть в первую очередь названы исследования восприятия и понимания людьми друг друга в целях оптимизации их общения, осуществляемые группой психологов под руководством А. А. Бодалева, а также комплексное исследование социально-психологических отношений в производственных коллективах в целях их регулирования, изучение психологии массовых коммуникаций, социальных аномалий и путей социальной реадaptации невротиков, социально-психологических аспектов управления малыми группами. Лаборатория социально-психологических исследований при кафедре философии Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (руководитель Б. Д. Парыгин) разрабатывает вопросы, связанные с выяснением интегральных структурно-динамических свойств личности, а также соотносительной роли микро- и макросреды, как факторов деятельности, социальной ориентации и формирования личности. Вопросы социальной психологии личности изучаются на кафедре психологии Московского педагогического института им. В. И. Ленина (руководитель А. В. Петровский).

Проблематика «личность и группа» рассматривается здесь в исследованиях формирования самооценки личности и ожидаемой оценки, оценки личностью группы и группой личности как фактора ее самочувствия в процессе общения, в работах, выясняющих закономерности внутригрупповой внушаемости, соотношение и противопоставление конформизма и коллективизма. Кафедра психологии Курского педагогического института (руководитель Л. И. Уманский) занята изучением социально-психологических аспектов общественной активности личности и группы школьников, и, прежде всего, нравственной направленности группы, ее подготовленности, организационного единства и психологической коммуникативности. Проблемы социальной психологии получают интенсивное развитие в Институте конкретных социальных исследований АН СССР (И. С. Кон, Н. С. Мансуров, В. Ядов), в Институте философии АН СССР (Е. В. Шорохова, К. К. Платонов), на кафедре философии Московского университета (Д. М. Угринович), в Научно-исследовательском институте общей и педагогической психологии АПН СССР (Л. И. Божович, М. А. Алемаскин, М. С. Неймарк), на кафедре психологии Свердловского педагогического института (А. К. Перов), Ярославского педагогического института (В. С. Филатов, В. В. Новиков), Минского педагогического института (Я. Л. Коломинский) и многих других научных центрах.

В декабре 1969 года в Москве происходило совещание по проблемам социальной психологии, организованное Институтом общей и педагогической психологии АПН СССР. Совещание охватило широкий фронт работ в области социальной психологии — кроме психологов в работе совещания приняли участие философы, социологи, педагоги, историки, экономисты — работники кафедр и научных лабораторий 11 университетов, 34 педагогических институтов и 20 научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, Академии педагогических наук СССР, Академии медицинских наук СССР, Института общественных наук при ЦК КПСС и других учреждений. В совещании приняло участие 250 человек, с сообщениями докладами и в развернувшейся дискуссии выступили 45 человек. Совещание зафиксировало значительное продвижение в разработке социально-психологических проблем, показало, что социальными психологами накоплен большой фактический материал и ведется интенсивная работа по теоретическому обобщению данных, полученных в исследованиях [18].

Оценивая в целом настоящий этап развития социальной психологии, мы можем с уверенностью сказать о том, что эта важная отрасль психологической науки находится на подъеме. Ее успешное становление — залог продуктивного и своевременного решения многих практически значимых задач коммунистического воспитания и управления коллективами.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Соч. Изд. 5-е. Т. 18, М., Изд-во политической литературы, 1961.
2. Бехтерев В. М. Об основных законах мира при объективном рассмотрении соотносительной деятельности человека и его социальной жизни с точки зрения рефлексологии. «Вопросы изучения и воспитания личности», № 2, № 3, 1921.
3. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Петроград, Изд-во «Колос», 1921.
4. Будасси С. А. Способ исследования количественных характеристик личности в группе. «Вопросы психологии», № 3, 1971.
5. Васильев С. К характеристике механического материализма «Диалектика природы». Сб. 2-й. Вологда, 1927.
6. Васильев Ю. Очерки физиологии духа. Петроград, Изд-во «Сеятель», 1923.
7. Вестник Социалистической академии, № 3, 1923.
8. Войтоловский Л. Н. Очерки коллективной психологии, ч. 1-я («Психология масс»). М. — Л., Гос. изд-во, 1925.
9. Естественный эксперимент и его применение. Сб., под редакцией А. Ф. Лазурского. Петроград, 1918.

10. Залкинд А. Б. Очерки культуры революционного времени. М., «Работник просвещения», 1924.
11. Корнилов К. Н. Учебник психологии, 1929.
12. Кругликов П. И. В поисках живого человека. Очерк первый. «Современная психология и ее сближение с науками о культуре и обществе» Казань, Госиздат, 1921.
13. Макаренко А. С. Соч. Т. 2, М., Изд-во АПН РСФСР, 1957.
14. Макаренко А. С. Соч. Т. 4, М., Изд-во АПН РСФСР, 1957.
15. Макаренко А. С. Соч. Т. 5, М., Изд-во АПН РСФСР, 1957.
16. Невский В. Политический гороскоп ученого-академика. «Под знаменем марксизма», № 3, 1922.
17. Петровский А. В. О некоторых вопросах социально-психологических исследований. «Вопросы психологии», № 4, 1970.
18. Проблемы социальной психологии. М., 1925.
19. Рейснер М. А. Проблемы социальной психологии. М. «Буревестник», 1925.
20. Рейснер М. А. Теория Петражицкого. Марксизм и социальная идеология. Спб., 1908.
21. Рывкина А. В., Винокур А. В. Социальный эксперимент. Новосибирск, Изд-во «Наука», 1968.

